

ПРАВОВЕРИЕ И ЭКУМЕНИЗМ В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ГРУЗИИ

I.

Выдающийся памятник грузинской литературы и историко-богословской мысли – творение безымянного Летописца XIV века – дает хороший повод поговорить об одной особенности грузинского менталитета и его отражении в вероисповедной области. Летописный труд этого автора – одно из самых суровых произведений, написанных на грузинском языке. Это не только история разгрома и упадка Грузинского царства при потомках Тамар, но и суд без снисхождения и попытки оправдания над царями и народом, над *«всяким возрастом»*,

прогневавшим *«милостивого и снисходительного Бога, чтобы не миловать нас»*.

Рядом с этой суровостью удивительным контрастом предстает то сочувственное и уважительное отношение, с которым Летописец рассказывает о нравах и простой религии татаро-монголов, нравственном облике их вождя Чингиз-хана, та невозмутимость, с которой он пересказывает легенду о явлении Христа язычнику Чингиз-хану и даровании ему заповедей и власти над миром, тот интерес, с каким он, забыв на время о несчастьи своего народа, увлеченно передает подробности монгольского летоисчисления и прихода Чингиз-хана к власти. А ведь речь идет не только о *«разрушителях вселенной»*, как именовал монгольского завоевателя и его орду современный ему восточный летописец, но разрушителях и разорителях родины автора, жители которой, его соотечественники, по его же слову, живыми сошли в ад. Но и в этом земном аду, в котором автор пребывает вместе со своими соотечественниками, он не забывает строгого мерил в отношении своих и объективности и широты, с которыми он воспринимает чужих.

В таком неравновесии в отношении к своим и чужим нет ничего исключительного, раз мы имеем дело с представителем грузинской ментальности. То же самое умонастроение, может быть, не так резко выраженное, можно найти у многих грузинских авторов.

Жизнеописатель царя Давида Строителя, при котором грузины совершили столько воинских подвигов, замечает все-таки, что они *«не довлекли... трепетаниям и хотениям души»* великого полководца. И тут же слагает кратенькую оду половецкому ополчению от имени царя Давида, который *«ведал добро рода половецкого множество и в ополчениях крепость, легкость и хождение, стремительность натиска, легкость удержания и всячески соответственность воле своей»*¹. Впрочем и сам царь Давид не избежал участи быть взвешенным на тех же неравных грузинских весах. Потому что его биограф при всем преклонении перед своим героем не забывает указать на те пятна, которые находили в царе Давиде его современники, и хоть отвергает эти обвинения, но и сам указывает на юношеские его грехи, которые, впрочем, *«и Бог не помянет»*².

Но на страницах повести мелькает на мгновение личность совершенно безупречная, описанная, почти как божество, – и стоит ли удивляться, что это шах Малик – глава тех самых турок-туркменов, разорение которыми своей родины только что оплакивал автор. И тем не менее, – *«был человек тот, Малик-ша, как величиною краев державства несравненный, так и образом сладости и благодатью возвышенный над всяким человеком, о котором много есть и других бесчисленных известий – пра-*

---

¹ «Символ», № 40, 1998, с. 284.

² *Ibidem*, сс. 293–294.

восудия, милости, любви к христианам, и, дабы не продолжать слова, совершенно незлобивый имел некий разум во всех отношениях»³.

Летописец царицы Тамар расточает своей героине множество восторженных похвал, но все они меркнут перед одной фразой: *«Преставилась царица Бурдухан, мать Тамар, равная Матери Сына Божьего»⁴. «Подобной невесты не видала земля грузинская»*, – прибавлено в одном из поздних списков⁵. Разумеется, похвалы, обращенные к матери, – это еще один способ превознести саму Тамар. Но как бы до и после автор ни восхвалял свою героиню, он не мог сказать, что она равна Сыну Божьему, а значит, не мог уже превзойти ту высоту, на которой поместил ее мать. Нет сомнения, что царица Бурдухан и правда была замечательной женщиной. И, скорее всего от нее унаследовала Тамар то обаяние, из-за которого *«обезумевали... все слышавшие о таком ликосиянии ее»*, а также возможно и другие замечательные черты. Но можно подозревать, что в этом очередном нарушении равновесия повинно еще и то, что царица Бурдухан была осетинка, а значит, не совсем своя.

Снисходительность и широта в отношении чужих и строгость и «теснота» в отношении своих проявляются, как видно на примере Летописца, и в

---

³ *Ibidem*, с. 277.

⁴ *Картлис цховреба*, т. II, с. 22.

⁵ *Ibidem*, с. 4, прим. 2.

вероисповедной области, в сочетании двух сторон духовной жизни на протяжении всей христианской истории грузинского народа: строгого и придирчивого правовеярия и доброжелательного и снисходительного экуменизма. Летописец лишь совместил в себе, в своем труде эти две стороны, которые обычно выступали порознь, но нередко, как в случае с нашим автором, соединялись в одном лице.

Первой в этом ряду нужно назвать героиню первого произведения грузинской письменности – святую мученицу Шушаник, отвергшую собственных детей, по принуждению отступника-отца ставших огнепоклонниками, *«так что и имя их гнушалась слышать»*, и милостиво принявшую женщину-огнепоклонницу, пришедшую к ней за исцелением.

Это сочетание представляется очень важным моментом, ибо есть существенная разница между широтой взглядов, экуменизмом человека или Церкви, не имевших или утративших ревность к истине, и экуменизмом, который соединяется со стойкой приверженностью к правой вере, твердым стоянием в православной истине.

II.

Экуменизм, который считается порождением новейшего времени, вошел в жизнь Грузинской Церкви не в 60-е годы, когда она была принята во Всемирный Совет Церквей, и не в начале XX века,

когда возникло экуменическое движение.

Дух экуменизма живет в Грузинской Церкви со времени ее основания и является одной из самых ярких и самобытных сторон ее истории. Экуменизм, как в его географическом, этническом, так и в вероисповедном его измерении, при внимательном рассмотрении этого явления в истории Грузинской Церкви, представляется чем-то настолько имманентным, присущим ей, что можно утверждать, он будет существовать, пока, с Божьей помощью, будет существовать само грузинское православие.

Его никто не вводил, никто не протаскивал, не обосновывал, сознательно никто не культивировал, не защищал, он просто живет в Грузинской Церкви, хранимый чудесным образом, как само грузинское православие, ни разу за всю историю не замутненное ересью, как другие самобытные стороны христианства на грузинской земле. Хранимый, надо думать, святой равноапостольной Нино, «предводителем грузинского народа на путях правды» (тропарь св. Нино), Пресвятой Богородицей, Чьим жребием и земным уделом, согласно древнему преданию Церкви, является Грузия, и Самим Господом, Который, как утверждает грузинская летопись⁶, обещал Своей Пречистой Матери не пренебрегать грузинским народом.

Экуменизм, т. е. готовность видеть в представителях иных исповеданий – христиан, а в пред-

⁶ *Картлис цховреба*, т. I, с. 38. На грузинск. яз.

ставителях других религий – чад Божьих, не вовсе отринутых от руки Его, эта евангельская и новозаветная идея, сильно потемненная и даже почти угасшая в душах и умах многих христиан, всегда жила в Грузии, в Грузинской Церкви и давала о себе знать, иногда поразительным образом.

Евреи, огнепоклонники-персы, армяне-монофизиты, несториане, мусульмане, татаро-монголы с их своеобразной религией, католики, протестанты и, конечно, в первую очередь, православные народы Востока – вот представители религиозной экумены, с которыми история сводила грузин и Грузинскую Церковь и к которым грузины умели относиться без предвзятости и без – нередко заслуженной и даже как будто неизбежной – неприязни.

Вселенская Церковь

Восточное христианство

В истории Грузинской Церкви мы найдем множество примеров истинного экуменизма, истинной вселенскости, того духа, который можно выразить строчкой из Овидия: «*Omne solum forti patria (e)st, ut piscibus aequor*»⁷. Этим *aequor*-ом, этим простором, где грузины чувствовали

---

⁷ «Храбрецу вся земля – родина, как рыбам водный простор» (*Fasti*, I, 493).

себя, как рыба в воде, и стало для них вселенское христианство, Вселенская Церковь, в орбиту которой они втягивались на протяжении I–IV вв.

С этого времени во многих местах восточной части христианской экумены появились грузины-подвижники и грузинские монашеские обители. Святая Земля, другие святые места Востока стали целью паломнических путешествий жителей Грузии, для многих из них духовным отечеством, для иных – желанным местом последнего упокоения. Свидетельства этого можно найти в *«Мученичестве святой Шушаник»*, в *«Житии Григола Хандзтели»*, в житиях Иованэ и Эптвимэ Иверских и Гиорги Святогорца. Можно найти их и в негрузинских источниках. Например, в *«Синайском патерике»*, сообщающем о местном подвижнике VII века авве Михаиле Грузине⁸ и в др.

Византийская империя, почти до конца своего существования, судя по источникам этого периода, представлялась грузинам центром христианской экумены, частью которой была и Грузия, а в более раннюю эпоху, грузинские государства и владения, еще не собранные «под одну руку». Византия, или Сабердзнети (Греция), как называли эту страну по-грузински, не была для грузин чужбиной в полном смысле этого слова, а местом странствования, странничества. Такое место можно было найти и в самой Грузии. Например, Григол Хандзтели,

---

⁸ *Подвижники благочестия Синайской горы*. М., «Паломник», 1994, с. 116.

уроженец Картли, обрел такую чужбину в Южной Грузии. Но Илариону Грузину или основателям Иверской Лавры, возможно, родная сторона казалась недостаточно большой, чтобы затеряться в ней. И для более полного «удаления от своих» избирались просторы империи.

Искателей духовного делания несомненно должна была привлекать и высокая и развитая монашеская и монастырская культура и вся та христианская цивилизация, средоточием и вершиной которой была в то время Византийская империя.

Грузины не чувствовали здесь себя чужими и не стремились к обособлению. Они даже, по видимому, не стремились иметь свои монастыри, охотно становясь насельниками тех, которые уже существовали, – Синайского, Саввы Освященного, Симеона Дивногорца и многих других. С другой стороны, когда грузинские цари и феодалы строили обители за пределами Грузии или благотворствовали им, это отнюдь не всегда были именно грузинские монастыри.

Биограф святого царя Давида Строителя († 1125) пишет о нем, что он *«лавры, соборы и монастыри не своего лишь царства, но и Греции, Святой Горы и Боргалети (Болгарии), а также Сирии и Кипра, Черной Горы, Палестины исполнил добра. Более же всего Гроб Господа нашего Иисуса Христа и пребывающих в Иерусалиме разнообразными пожертвованиями обогатил»*, и *«на горе Синай, где видели Бога Моисей и Илия, построил монастырь,*

и выдал много тысяч золота и златошвенные покровы, и книги церковные в полноте, и сосуды для святыни из отборного золота»⁹.

Архиепископ Тимотэ Габашвили (XVIII в.) свидетельствует в своем «Хождении», что афонский греческий монастырь Филофей был выстроен на пожертвования кахетинского царя Леона (XVI в.)¹⁰. И наоборот. Новый Светицховели – Мцхетский патриарший собор – на месте обветшавшего храма, построенного еще при Вахтанге Горгасали (V в.), был возведен и украшен при царе Баграте III (978–1014) и Патриархе Мелхиседеке (1001–1030, 1039–1045) на пожертвования византийского императора

---

⁹ «Символ», № 40, 1998, с. 294.

¹⁰ *Грузинская проза*, кн. V, с. 492. «Построен же этот монастырь <одним> из Давидо-Соломоновых Панкратионовых (Багратионовых – И. З.) сынов, Картлийским и Кахетинским царем Леоном, отцом деда господина (царя – И. З.) Теймураза. Ибо послали и на свои средства построил в память вечную. А возглавителем и управляющим был духовный некий отец Филофей. Потому именован Филофей назвали монастырь тот. Ибо строители цари Леон и сын его Александр изображены держащими монастырь тот. Ибо царь Леон изображен ростом высоковатый, старый, багровый, горбоносый, волосом и бородой белый, облеченный венцом и подиром. Александр же царь – возрастом (ростом – И. З.) малый, благообразный видом, волосом черноватый, облеченный и он венцом. Лет с тех пор прошло СКЕ (225) лет. И есть в том монастыре тех царей поминовение вечное вечером и утром»; Тимотэ [Габашвили, архиеп.]. *Хождение*. Тб., 1956; Метревели Е. *Исследование о сочинении Тимотэ Габашвили «Хождение»*. Тб., 1956.

Василия II¹¹.

Показательно, что идея и инициатива создания Иверской Лавры на Афоне именно как национального грузинского монастыря принадлежала не грузинам, как можно было ожидать, а преподобному Афанасию Афонскому, наполовину, как известно, грузину (колху), но в данном случае выступившему в качестве доброжелательного иноплеменника, посоветовавшего грузинским собратьям основать «свою обитель». Но и удалившись из монастыря святого Афанасия и обосновавшись в созданном ими Иверском монастыре, грузины продолжали вносить свой материальный и духовный вклад в общее дело созидания Афона.

«Житие Иованэ и Эптвимэ Святогорцев»¹² и документ той эпохи – «Завещание преподобного Афанасия Афонского»¹³ свидетельствуют о той ро-

---

¹¹ *Картлис цховреба*. т. I, с. 282: «А этот святой царь пошел к греческому царю Василию в Константинополь за помощью. Ибо великая эта соборная апостольская церковь Светицховели, которую Вахтанг Горгасали построил, была обветшавшей, и разрушением времен вокруг стои и врата пали, и никого не было помощника для постройки и ни у кого не было сил построить ее. И пришел и рассказал ему всю невозможность для грузин и прошение свое. Тогда царь Василий дал монастырь Кесторию, который имеет PE (105) сел, сокровище и украшения церковные, иконы и кресты, и всякое архиерейское и священническое украшение».

¹² «Символ», № 34, 1995, с. 364–365.

¹³ *Афонский патерик*. М., 1897. Репринт. М., 1994, ч. II, сс. 50–58. *Жития Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Афонских*, сс. 329–334.

ли, которую монахи из Грузии сыграли в становлении Афона. Крупные материальные пожертвования соседним монастырям, предстательство за Афон перед византийскими императорами, многолетнее духовное окормление святогорской братии, принятое на себя Эптвимэ Святогорцем по кончине Афанасия Великого – таково было участие грузинских монахов в общеафонском бытии.

Чужими учили чувствовать себя грузин высокомерие и национализм греков, зачастую весьма агрессивный. Об этом свидетельствует история Иверской Лавры, из которой греки стали вытеснять грузин уже при четвертом настоятеле. А еще раньше, отказ настоятеля одного из монастырей на Олимпе приютить у себя Илариона Грузина. Именно ответом на захватнический инстинкт представителей имперской нации был, например, известный пункт устава Петрицонского (ныне Бачковского, Болгария) монастыря о недопущении греков в состав монастырских насельников.

За пределами Грузии подвизалось и просияло немало подвижников, среди них и почитающиеся столпами Грузинской Церкви. Преподобные Иларион Чудотворец, Габриэл, Иованэ, Эптвимэ, Гиорги и иные афонские подвижники, Эфрем Мцире (Малый), светило грузинской средневековой учености Иоанэ Петрици, позднее митрополит Валашский Анфим (Антимоз) Ивирянул († 1716)¹⁴,

---

¹⁴ Причислен к лику святых Православной Церковью Румынии в 1992. Память 13/26 июня.

схимонахиня Фамарь (Тамар Марджанишвили, † 1936) и многие другие совершали свой духовный подвиг в грузинских и негрузинских монастырях в Святой Земле, на Синае, Афоне, Кипре, в Африке, в Болгарии, Румынии, России, Украине и в иных местах. Иованэ Святогорец (X в.) даже намеревался бежать от людской молвы с Афона в Испанию, где, как он слышал, живут грузинские племена.

Первая печатная грузинская Библия была издана в Москве. А в самой Грузии первая типография была создана с помощью мастера-валаха, которого направил сюда выдающийся румынский просветитель святой Антимоз Ивирянул, грузин, как свидетельствует его прозвище.

Западная Церковь

С западными христианами, до и после того, как они превратились в ненавистных для иных римокатоликов, Грузия имела постоянное общение. По сведениям житий святой равноапостольной Нино, первым, кто поздравил ее, царя и народы Грузии с принятием христианства, был Папа Римский святой Сильвестр (314–335), приславший некоего бранджского (франкского) диакона с приветственным посланием¹⁵. Сохранились документы о грузино-западнохристианских связях, начиная с V века. В своем широком понимании

---

¹⁵ М. Сабинин. *Грузинский рай*. СПб, 1882, с. 148.

христианской родины Иларион Грузин, Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Святогорцы и другие выходили далеко за пределы восточной части бывшей Константиновской империи, до которой ее свели, с одной стороны, исторические обстоятельства, а с другой, все усиливавшееся стремление греков к национальной самоизоляции.

Эта духовная родина простиралась до Италии, которую посетил Иларион Грузин, и Испании, куда намеревались бежать от мирской славы Иованэ и Эптвимэ Святогорцы. Такое понимание сохранялось и после падения Византии. В XV – в начале XVI вв. грузинские политики (царь Константин III и др.) несколько раз обращались к римским папам и европейским государям (испанским, бургундским, французским) с предложением о совместном походе для освобождения Константинополя.

В Италии во время своих странствий побывал Иларион Чудотворец; Иованэ и Эптвимэ Святогорцы принимают у себя подвижника Леона из Италии, брата дуки Беневенто, вместе с учениками, а спустя некоторое время помогают ему основать на Афоне бенедиктинский монастырь, с монахами которого и в дальнейшем поддерживают тесные отношения.

В житии Иованэ и его сына Эптвимэ содержится следующий трогательный рассказ. В Ивироне за старцем Леоном была оставлена келья, которую он нередко и занимал. Она была по соседству с кельей того самого Габриэла, которому Божья Матерь доверила Иверскую икону. И часто, сходясь перед

своими кельями, эти старцы вели продолжительные беседы, причем каждый на своем родном языке, ибо не знали никакого другого. *«От их святости все возможно было и вероятно, ибо велики были они перед Богом и совершенны»*, – комментирует это чудо автор жития Гиорги Святогорец¹⁶.

Сам Гиорги Святогорец († 1066) – продолжатель дела и духовный наследник описанных им подвижников, также много способствовавший своими переводами греческой духовной и особенно богослужебной литературы, которыми до сих пор пользуется Грузинская Церковь, еще большему сближению грузинской и греческой культур – и это несмотря на враждебные действия греков, направленные на изгнание грузин из Иверского монастыря, – в то же время выступает как сторонник единства Вселенской Церкви – Западной и Восточной.

Во время беседы с византийским императором Константином Дукой (Дукицием) в присутствии западноевропейских гостей царя – *«князей римских»*, как обозначены они в *«Житии»*, он защитил перед царем римский обычай литургисать на безквасном хлебе – один из главных в те времена пунктов обвинений восточных христиан против западных, – оправдав его древностью, идущей от Самого Христа и апостолов, оправдав и восточный, более новый обычай, как возникший по

---

¹⁶ *Житие ИЭ*, гл. IX, сс. 144–147; «Символ», № 34, с. 372.

необходимости в борьбе с ересями. *«И нет здесь никакого разделения, лишь бы вера была правильной»*, – так завершил Гиорги Афонский свою «экспертизу». Этим он очень обрадовал *«римских князей»*, не знавших, как ответить на вопрошания византийского императора. Более того, святой Гиорги выступает здесь как апологет римского православия вообще, заявляя, что *«римляне же, с тех пор как однажды познали Бога, никогда уже не уклонялись, и никогда ересь не входила в их среду»*.

Так широко представлял ученый монах Гиорги Святогорец границы православия, включая туда весь Запад во главе с Папой Римским, свидетельствуя о православии Рима, незадолго перед тем преданного анафеме Константинопольским патриархом Михаилом Керулларием.

Но наверное самая яркая страница во взаимоотношениях грузинского православия и римского католицизма – это поистине экуменическая фигура святой великомученицы Кетеван, претерпевшей страшные мучения за Христа в Иране в 1624 году. Оставленная своей свитой, святая царица в последний, самый тяжкий период своей жизни получала духовное утешение у католических миссионеров-августинцев из Португалии. Они напутствовали ее на Голгофу, они подобрали ее останки, часть их передали в Грузию, а две части ее святых мощей отвезли в Гоа, в Индию, в тамошний монастырь, и в собор Святого Петра в Риме. Мощи православной грузинской мученицы и поныне по-

чивают в самом сердце римского католицизма¹⁷. Огромное панно с изображением мученического подвига святой царицы украшает стены одного из знаменитых лиссабонских монастырей да Граса¹⁸.

Вот еще несколько фактов. Святой царь Давид Строитель (1089–1125) посылает грузинское ополчение в Святую Землю на помощь крестоносцам. И сам принимает их помощь. В Дидгорской битве народов (1122) против несметных полчищ мусульманской коалиции на стороне царя Давида сражались в первых рядах «*двести воинов франкского рода*»¹⁹. В 1459 г. к грузинскому царю Гиорги VII (1446–1466) прибыл посол папы Пия II с предложением принять участие в освобождении Константинополя. Предложение было принято так близко к сердцу, что ради него на время примирились

---

¹⁷ Память св. великомученицы Кетеван 13/26 октября. Частицы мощей святой великомученицы, ранее хранившиеся в Грузии, а затем перевезенные в Москву, в феврале 2004 года были переданы Грузинской Церкви во время визита Святейшего Католикоса-Патриарха Илии II в Москву. В 2018 году часть мощей святой великомученицы на длительное время была привезена из Индии в Грузию для поклонения во всех епархиях Грузинской Церкви.

¹⁸ Панно с изображением мученичества св. Кетеван в лиссабонском монастыре да Граса (Convento da Graça), заново открыл португальский ученый, коллекционер и меценат Галуст Гюльбенкян, который также обнаружил в Мадридской национальной библиотеке документ на испанском языке о мученической кончине св. царицы и ее взаимоотношениях с католическими миссионерами в Иране.

¹⁹ «Символ», № 40, с. 317.

царь Гиорги и мятежные феодалы. В конце того же XV века с той же целью царь Константинэ приглашает к совместному походу испанскую королеву Изабеллу. Грузинские цари этого и более позднего периода благосклонно относятся к пребыванию католических миссионеров и учителей в Грузии. Католикос-Патриарх Калистратэ († 1952) в книге, посвященной истории Кашветского храма в Тбилиси, приводит свидетельство о выдающемся грузинском государственном деятеле XVIII века князе Гиви Амилахвари, который материально поддерживал не только грузинских священнослужителей, но и католических отцов, подвизавшихся в Грузии²⁰. Первая грузинская печатная книга издана в Италии при сотрудничестве грузинских и итальянских церковных деятелей.

В начале XVIII века великий грузинский писатель, государственный и церковный деятель, одна из самых ярких фигур грузинской культуры за всю ее многовековую историю, Сулхан-Саба Орбелиани совершил дипломатическое путешествие в Италию и Францию и оставил описание своей поездки – «*Путешествие в Европу*». В ней без какого-либо отчуждения или подозрительности, тайного или явного неприятия, описываются виденные им в Европе обители, святыни, живые представители западного христианства. Это отнюдь не описание поездки к еретикам, варварам, язычникам, лишь

---

²⁰ Цинцадзе, Калистратэ. *Кашветская церковь святого Георгия в Тбилиси*. Тб., 1994, с. 138. На грузинск. яз.

наружно носящим образ христиан, как уже давно трактовали европейцев на Востоке.

Под пером православного грузина католическая Европа предстает как часть христианской экумены, к которой грузины принадлежали с древнейших времен, где много своеобразного, но нет ничего – в том числе и в духовной практике – принципиально неприемлемого. Например, стигматы, которые почему-то сделались для православных еще одним предметом пререкания с католиками. *«Двенадцатого июля... пришел дженерал доминиканов к нам... Повидали его монастырь... Одна дева энкратиса (подвижница – И. З.) святая Катурина покоилась там, их устава. Христос показался ей и, как святому Франчиско (Франциск Ассизский – И. З.), пять язв даровал опять же ей. Опять же целая, на спящую похожа»*²¹. Также просто, по-видимому, без всякого страха быть неправильно понятым и подвергнуться осуждению Орбелиани сообщает, как по желанию Папы Римского он присутствовал на папской литургии в его домашней церкви и принял из рук его причастие²². Поразительна фраза, завершающая *«Путешествие»*. После возвращения Орбелиани из Европы, некоторые грузинские епископы обратились к царю с требованием отлучить его от Церкви за близость к католикам. *«Устроили мне собор, – пишет Орбелиани, – и святого папу*

---

²¹ *Грузинская проза*, кн. V., 1983, с. 198.

²² *Ibidem*, с. 240.

похулить предложили. Я от православия не мог отречься»²³.

В древнейших житиях святой Нино, Просветительницы Грузии, сообщается, что посмотреть на чудо Животворящего Столпа при строительстве первого христианского храма в Грузии пришли «франки» – западные христиане. Эти сведения повторяет в XII веке преподобный Арсени Икалтоели.

Каким чудом оказались здесь западноевропейцы, трудно сказать, но эта связь с Западной Европой с тех пор не прекращалась, и в конце прошлого века грузинский католик Михеил Тамарашвили издал «Историю католичества среди грузин»²⁴ – корпус документов о грузино-западноевропейских религиозных, политических и других взаимосвязях на протяжении V–XVIII вв., в том числе переписки грузинских государей с Римскими Папами.

Армянская Церковь

Некогда армяне и грузины, а также Церкви этих двух народов были связаны особенно тесными узами. Согласно древней грузинской летописи, дошедшей до нас под именем Леонти Мровели,

---

²³ *Ibidem*, с. 296.

²⁴ Михеил Тамарашвили, *История католицизма среди грузин с XIII по XX век*. Грузинская Церковь от истоков до наших дней (на грузинск. яз.).

родоначальники этих народов Гаос и Картлос были родными братьями²⁵. Кстати, исследователи находят в летописи Леонти Мровели заметную арменofilьскую тенденцию. Известный грузинский историк академик Г. Меликишвили²⁶ и другие ученые задавались вопросом о корнях этого арменofilьства.

Но такая ли уж это загадка и не нужно ли искать корни этого арменofilьства там же, где и корни персofilьства автора «*Мученичества Эвстати*» или монголоphilьства Летописца XIV века, т. е. в некоей особенности национального склада, отчасти, возможно, природного, но развившегося и «натренированного» в общении со многими народами, с которыми промыслу Божьему угодно было сводить грузин, и прослеживаемого на протяжении многих веков вплоть до сего дня?

Особенному сближению с армянами способствовало и почти одновременное принятие христианства. А также и то обстоятельство, что, хотя эти народы были просвещены разными лицами, но грузины на долгое время забыли своего просветителя святую Нино и почитали в качестве такового святого Григория Парфянского, апостола армян. Один из историков древней Грузинской Церкви, католический священник о. Михеил Тархнишвили считал, что святая Нино была от-

---

²⁵ *Картлис цховреба*, т. I, с. 4.

²⁶ Г. Меликишвили. *К истории древней Грузии*. Тб., 1960.

вергнута просвещенным ею народом за то, что была женщиной и бедной пришельцей²⁷. Признавая большую вероятность этого, но все-таки, имея в виду указанную выше национальную особенность, можно высказать предположение, не было ли забвение святой Нино и замещение ее святым Григорием следствием особенно сильного приступа ксенофилии, направленной в то время на армян. Такого рода приступы выразительно описывает грузинская поговорка – «отца забыли, об отчине слезы лили».

Армян и грузин связывали общие святыни, из которых на территории Грузии находились особо чтимые Мцхетский и Манглисский чудотворные кресты. Такой общей святыней была также могила святой мученицы Шушаник в Цуртави, где службы совершались на армянском и грузинском языках.

В начале VII века произошел драматический разрыв церковного единства между армянами и грузинами. Причиной стали догматические разногласия между православными грузинами и армянами-монофизитами. У восприятия грузинами догматических определений Халкидонского собора есть своя история, отнюдь не до конца ясная из-за недостаточности и отрывочности сведений. Но данная ситуация выявила твердую приверженность Грузинской Церкви и ее предстоятеля католикоса

---

²⁷ R. P. Mikheil Tarchnisvili. *Die Legende der heiligen Nino und die Geschichte des georgischen Nationalbewusstseins.* – Byzantinische Zeitschrift, N 40, 1940, 40–75.

Кириона православию и Вселенской Церкви. Но будучи православными, грузины тем не менее не делали шага, который привел бы к разрыву с народом, с которым их связывали исторические судьбы, политические, культурные, династические отношения, общие святыни и общие герои и святые.

И когда этот шаг был сделан, сделали его все-таки не грузины, а армянская иерархия, не только прервавшая церковное общение, но и запретившая своим чадам какое-либо общение с грузинами, кроме торговли – *«как с евреями»*. Теперь, когда все настойчивее попытки примирения с *«древними восточными Церквами»*, среди которых и Армянская Апостольская Церковь, не оправдывается ли тем самым долготерпение древних грузин в отношении своих армянских братьев?

Попыток примириться с армянами грузины не оставляли и впоследствии. Они стали особенно настойчивыми после вхождения армянских земель в состав грузинского царства. Царь Давид Строитель и – дважды – царица Тамар созывали соборы армянских и грузинских иерархов и богословов с целью воссоединения, но эти попытки, к сожалению, не дали результатов. Краткие, но яркие сведения о соборе, созванном при царе Давиде Строителе, сохранил его анонимный жизнеописатель²⁸. Он сам отнюдь не являлся сторонником каких-либо воссоединений. Это видно по его неприязненному

---

²⁸ «Символ», № 40, 1998, сс. 296–297.

отзыву о представителях Армянской Церкви. *«Собрался же некогда у царя род развращенный прелукавых – армянские епископы и монастырей их настоятели».* А также по тому, что он обошел молчанием все «экуменические» факты из жизни своего героя: посылку грузинского отряда на помощь крестоносцам, участие самих крестоносцев в великом Дидгорском сражении против войск мусульманской коалиции и др.

Тем не менее, и он с укоризной отмечает и у армянской и у грузинской стороны одну общую черту, характерную для большинства межконфессиональных споров. *«Сотворили же прение взаимное от утрени и до девятого часа. И никак не могли закончить. Ибо было с обеих сторон победолюбие одно и тщетных слов состязание. Ибо входили в невходные дела и трудно исходные».* Эти бесплодные прения наскучили царю и он обратился к собранию со словами, *«которые, несомненно, Бог давал его устам»*, так что армянские богословы воскликнули: *«Мы, царь, учеником почитали тебя этих наставников ваших, однако, как видим, ты наставник наставников, которого пяты не достигли эти, наставниками думаемые ваши».* Жизнеописатель представляет дело так, что царь Давид обличил армянских богословов, как еретиков, и *«замкнул уста их».* Древнеармянский переводчик этого текста представляет царя Давида более умеренным, сообщая, что царь *«успокоил обе стороны и распустил собор».*

Есть и другие сведения, свидетельствующие о скорее «экуменическом» настрое царя. В частности, о его глубоко уважительном отношении к знаменитому в его время армянскому подвижнику Саркавагу. Или свидетельства более поздних армянских авторов Вардана Великого и Матфея Эдесского (XIII в.): *«Давид не испытывал никакой ненависти к армянской службе и Церкви. Он часто преклонял голову под нашу руку и испрашивал нашего благословения». «Вокруг Давида собирался оставшийся род армянский, для которого он основал в Грузии город Кори (Гори), где построил много церквей и монастырей, и дал нашему роду всякое утешение и отраду».* Эти свидетельства с одобрением цитирует в своем очерке *«Давид Строитель»* самый авторитетный общественный деятель Грузии 2-ой половины XIX в. святой Илия Чавчавадзе († 1907). В пользу их достоверности говорят и аналогичные свидетельства мусульманских авторов этой эпохи о доброжелательном, «экуменическом» отношении к ним святого царя, который *«ежедневно... ходил в главную мечеть, слушал царскую молитву и даже чтение Корана»*²⁹.

В XVII в. – двенадцать столетий спустя после св. мученицы Шушаник, после десяти столетий разделения поверх канонических и иных барьеров опять святые мученики сделались общей святыней разлученных потомков братьев Хаоса и Картлоса.

²⁹ *Ibidem*, с. 323.

Около 1660 года в Исфахани были замучены руководители антииранского восстания в Грузии князья Бидзина, Шалва и Элизбар. Иссеченные и изрубленные тела святых мучеников выброшены были на улицу. *«И никто не дерзал подобрать их из страха перед нечестивыми, – пишет первый издатель их жития М. Сабинин. – Но в ту ночь в почесть им осенил свет блистающий все три тела этих святых видимо для всех. Так что можно было подумать о возжжении близкими многих лампад, и где намазана была кровь их, за Христа пролитая, там на каждом месте мерцал тот свет. И кто видел это, славили Бога и говорили: велик Бог христиан и тех, за кого они убиты. Глубокой же ночью, когда все уснули, пришли там пребывавшие христиане-армяне и взяли тела тех мучеников украдкой и унесли и схоронили тайно в церкви своей. И множество исцелений совершают и бесов изгоняют, умоляя, из тех, которые с верою припадают к ним. После того прошли годы немалые, жена святого Шалвы боголюбивая Кетаван (!) и сын воевода Давид послали людей верных туда, где схоронены были тела тех святых. Обрели их и увидели, что все трое нераздельны были, ибо соединились взаимно. Голов же этих святых ни одной не лежало при них, ибо армяне и французы отделили, чтобы схоронить их. Тогда забрали люди те и доставили в Картли... и положили в одной гробнице в Икорта в низком монастыре Архангелов... во славу Отца и Сына и*

Святого Духа»³⁰.

Неправославные христиане

Характерен восторженный отзыв Летописца о несторианине («насране»), епископе города Марга, которого подверг истязаниям монгольский временщик мусульманин Навроз. *«Этот Навроз возвеличился, без хана управлял дела заботные, и имел вражду к христианам, и приготовился совершенно погубить и разрушить церкви в Таврезе и во всех городах. И привел епископа Марга³¹ города, родом и верой насрана³², который был человек милостивый и благой, весьма добродетельный, прежними ханами почитаемый, и отцом ханами наименованный. Его заточил и многим биениям и издевательствам подверг для оставления закона. Он же мужественно противостоял, и терпел, в оскорбление закона, Моамедом проповеданного. За это на изгнание был осужден».*

К тому же, несторианский епископ-исповедник упоминается в едином контексте с подвергшимися гонениям от того же Навроза церквями Нахичевана и грузинским Вардзийским монастырем. Подобно мученикам, и великие святые способны соединять

---

³⁰ Гоброн (Михаил) Сабинин. *Грузинский рай*. с. 609. Память свв. мчч. 18 сентября/1 октября.

³¹ Marghi.

³² Несторианина.

разделенных христиан.

«В хроникон 174 (1486 год), – рассказывает одна из грузинских летописей, – пришел хан Ягуб с бесчисленным людом... И когда взяли они крепость, как звери, набросились и разграбили всю сокровищницу храма и народ без числа с женищинами и отроками частью избili мечом, некоторых же взяли в плен. А икону Пречистой – Упования нашего, украшенную честными камнями, по грехам нашим полонили и преподнесли нечестивому тому князю. А тот весьма удивился украшениям иконы той и честности камней, и скверною своею рукою снял украшения с иконы. А после того разожгли огонь весьма сильный и бросили в него. Однако огонь тот угас и иконы нисколько не коснулся, и не причинил ни малого вреда, что многие и мы собственными глазами видели. Увидев это чудо, некто из бывших в войске том, христианин, а по вере неправославный, исхитил ту икону Пречистой и завернул в чистый этот платок... И была полонена Ацкурская Богоматерь в месяце сентябре КЕ (25-го) и множество душ горожан и бывших в крепости было уведено, и удалился хан в свое ханство. А тот, кого мы помянули выше, муж христианин, а по вере неправославный, унес икону в страну свою...и хранил у себя икону Пречистого Упования нашего – Ацкурской Богоматери с великою честью; и явилась Она человеку тому и сказала: «Если не отведешь Меня в Мою страну, великое зло наведу на тебя». И вскоре пришел человек тот и известил

обо всем господина Кваркварэ и Манучара. А они обрадовались великою радостью и скоро послали людей верных, и когда пришли, узнали ее и пали на лица свои и поклонились, и взяли и принесли святую икону, подняли и положили в храме ее, в Ацкурском»³³.

В дважды повторенной формуле «*муж христианин, а по вере неправославный*» обе ее половины как будто подчеркивают одну другую. И то и другое определение, вероятно, важны для автора. Одно говорит его догматическому сознанию, другое его сердечному чувству в отношении, пусть инославного, но чада Христова и почитателя Божьей Матери и Ее чудотворных икон.

Ислам

С середины VIII века начинается для грузин более чем тысячелетнее противостояние исламской агрессии – сначала арабской, потом тюркской, персидской, турецкой, кавказской.

Эта чаще всего неравная борьба принесла Грузии неисчислимы бедствия – настоящий перманентный апокалипсис и балансирование на грани полной гибели и исчезновения. Эти раны кровоточат еще и сейчас и, видно, исцеляются только тогда, когда Господь отрет всякую слезу.

---

³³ *Картлис цховреба*, т. II, сс. 478–484. «Символ», № 36, сс. 263–269.

Но вот удивительная вещь: за более чем тысячу лет мук и терзаний, вынесенных от последователей пророка Мухаммеда, грузины не только не выработали чувства враждебности к исламским народам, но сумели сохранить интерес и уважение к их жизни, их культуре и к их религиозной жизни.

Трагический опыт общения с миром ислама парадоксальным образом суммировал великий грузинский поэт Важа Пшавела († 1915). В поэме «Гость и хозяин» из кровавого и непримиримого противостояния горцев – мусульман (кистинов) и христиан (хевсуров) вырастает братская жертвенная любовь мусульманина Джоколы и его супруги Агазы и христианина Звиадаури, случайного гостя Джоколы, замученного его соплеменниками. Эта любовь соединяет их и за порогом смерти.

*В глухую полночь, на вершине
Где вечным сном Джохола спит,
Виденье чудное доньше
Случайным взорам предстоит.
Над одинокою могилой
Взывает призрак мертвеца
«Звиадаури, брат мой милый,
Что не покажешь ты лица?» –
И с отдаленного кладбища,
Во мраке ночи строг и хмур,
Покинув скорбное жилище,
Встает замученный хевсур...*

.....

*И вот среди вершин Кавказа
Мерцает зарево костра,
И снова трапезу Агаза
Готовит братьям, как сестра.
Сквозь сумрак ночи еле зримы,
В сиянье трепетных огней
Ведут беседу побратимы
О дивном мужестве людей,
О дружбе, верности и чести,
Гостеприимстве этих гор...
И тот, кто их увидел вместе,
Не мог насытить ими взор³⁴.*

Такое восприятие ислама, как враждебной силы, порождающей самоотверженных друзей, уходит корнями в глубокую древность, почти что в эпоху возникновения этой религии и первого нашествия арабов-мусульман на Грузию.

В конце VIII века знаменем борьбы с политической и религиозной экспансией ислама в Грузии становится святой Або – молодой мусульманин из Багдада, принявший христианство, а затем и мученическую смерть от мусульманских правителей города Тбилиси и Восточной Грузии. Его современник и друг Иованэ Сабанисдзе на основе истории мученичества Або создал первое в Грузии и, быть может, самое замечательное патриотическое произведение. Но удивительно, что это произведение, проникнутое двойным

³⁴ Перевод Николая Заболоцкого.

патриотическим – грузинским и христианским – пафосом, в то же время является гимном чужеземцу и бывшему иноверцу, который оставил свой народ и свою веру, для того, чтобы принести себя в жертву для спасения погибающего под двойным чужеземным и иноверным игом грузинского народа. У Сабанисдзе нет и тени сомнения в безмерном превосходстве религии своего народа, религии Христа над верой его поработителей. Его героя Або Христос взял из среды арабов, *«как розу из терниеv»*, и привил к Своей Церкви, но охваченный благодарным восхищением к своему герою, автор не способен совсем презреть тернии, среди которых произросла эта роза. Он пишет о происхождении Або: *«Он был порождение Авраамово, из сыновей Измаила, племени сарацинского, и не то, чтобы от чужака или наложницы рожденный, но всячески семя арабское по отцу и по матери, которого отец и мать и братья его жили там же в городе Багдаде Вавилонском, и был научен он грамоте сарацинской»*.

Уж не гордится ли Сабанисдзе чистотой и древностью арабской крови своего героя, его магометанским благородством, тем более, что тут несомненное подражание апостолу Павлу, хвальномуся своей еврейской кровью и иудейским благородством?! Святой Або – великий дар Божий грузинскому народу и Церкви, но и ответное благодарное чувство автора, описавшего его подвиг, столь велико, что не может хотя бы отчасти

не распространиться на род, племя и религию, к которой герой-мученик от рождения принадлежал.

В начале X века во время очередной экспедиции сарацин против Грузии ими был казнен не пожелавший отречься от Христа начальник крепости Квели – Михаил-Гоброн и с ним 133 воина. Современник события Тбетский епископ Стефанэ описывает их мученичество. Иссеченные тела мучеников эмир Абул-Касим приказал собрать в трех рвах, засыпать землей и никого из христиан к ним не подпускать. Господь прославил Своих мучеников чудным образом: каждую ночь огни, подобно лампадам, опускались сверху и горели над засыпанными землей останками грузинских воинов. Какое торжество христианской веры! И трудно постичь, зачем в эту торжественную картину автор буквально через запятую вводит некий диссонирующий элемент. Когда эмиру, – продолжает автор, – доложили об этом явлении, он *«сказал им причину, что это бывает и над сарацинами, которых убивают греки»*. Эту неуместную вставку можно было бы понять, если бы автор опроверг эмира, изобличив, как это принято в подобных случаях, проделки сатаны. Тем более что немного раньше он показал свой православный темперамент рассуждениями о гибельности еретических учений. Но теперь он не дерзает произнести укоризненного суда над свидетельством о чудесах при могилах сарацинских воинов³⁵.

³⁵ *Мученичество святого мученика Гоброна, которого вывели*

Кровавая драма взаимоотношений с миром ислама продолжается, но, удивительное дело, чем страшнее, чем опаснее раны, получаемые грузинским народом, тем как будто бы большей становится его способность, где только возможно, без враждебности и даже с приязнью всматриваться в этот мир.

Во второй половине XI века турки подвергают Грузию страшному опустошению, так что историк этого времени – летописец царя Давида Строителя, прибегает к цитатам из Иеремии, чтобы должным образом оплакать разорение и гибель страны, но тот же писатель в восторженных словах, которые уже приводились выше, описывает султана этих самых турок шаха Малика.

Нужно подчеркнуть, что все эти авторы – это отнюдь не люди, нетвердые или равнодушные в вере, или с замутненным догматическим сознанием, нет, это ревнители православия, обличители ересей, строгие судьи нравов, способные, если нужно, горько упрекнуть даже своих государей и высших иерархов, подлинные духовные учителя своего народа.

Клирик Грузинской Церкви, строгий обличитель «ереси экуменизма» архимандрит Рафаил Карелин³⁶ приводит в одной из своих книг случай с бу-

---

из Куэлисцихэ. Я Стефан, Тбетский епископ, написал по велению Ашота, великого воеводы. – В кн.: Гоброн (Михаил) Сабинин. Грузинский рай, сс. 393 – 400.

³⁶ Архимандрит Рафаил (Карелин). *Тайна спасения*. М., 2004, сс. 370–371.

дущим грузинским патриархом Эфремом († 1972). Арестованного богоборцами иерарха-исповедника поместили в переполненную тюремную камеру, где не было свободных нар. Один арестант-мусульманин уступил ему свои нары, а сам пристроился на полу. Владыка Эфрем предложил ему лечь на нарах вдвоем, но мусульманин наотрез отказался. *«Я не достоин лежать рядом с Божьим человеком»*, – сказал он. Автор-антиэкуменист несомненно видит в рассказанном им случае лишь еще одно знамение торжества православия и его святости, засвидетельствованной даже иноверцем. Но можно ли свидетельствовать о святости, не будучи хоть в малой мере причастным к ней? И всякий ли единоведец владыки Эфрема сумел бы столь же ясно прозреть Божьего человека в арестанте, которого видит первый раз?

Иудаизм

История христианства в Грузии начинается с принесения сюда Хитона Господня местными иудеями-священниками, которые, как подчеркивает местное предание, не участвовали в незаконном совете иудейских предводителей против Господа нашего Иисуса Христа. Можно начать еще раньше – с милоти пророка Илии, которая также находится в Грузии и попала сюда еще до Рождества Христова благодаря существованию здесь с VI века до

Р.Х. еврейской общины. *«Горе мне, – восклицает псалмопевец, – что я пребываю у Мосоха»* [Пс 119], то есть живу с мосхами (месхами) – одним из грузинских племен.

Трудно сказать, чем был вызван этот вопль древнего иудея, ибо за две с половиной тысячи лет существования в Грузии еврейской общины не известно ни одного эпизода притеснения иудеев и, тем более, преследования. Два древних княжеских рода Барнабели и Гедеванишвили были еврейскими по своему происхождению, к этому последнему, кстати, принадлежал по отцу композитор Бородин, автор оперы *«Князь Игорь»*. Более того, еврейским, восходящим к царю и псалмопевцу Давиду, был, по официальной генеалогии, царский род Багратиони.

Евреями – бывшими иудеями – являются два древних святых Грузинской Церкви – Авиафар и Сидония, сподвижники св. Нино. На иконе *«Всех святых Грузинской Церкви»*, под Животворящим Столпом, окруженным сонмом грузинских святых, как бы в основании всей Грузинской Церкви, изображена спящая вечным сном другая Сидония, иудейка, с прижатым к груди Хитоном Господним. Эта хранительница величайшей, как признано, святыни христианской Грузии, для которой так и не определили канонического места среди грузинских святых, в церковном сознании неотделима от христианства и православия.

III.

Грузинское правоверие, многовековое беспорочное пребывание Грузинской Церкви в истинном Православии представляется чудом Божиим, не меньшим, чем грузинский экуменизм. Причем если экуменический дух недостаточно осмыслен до сих пор, как призвание грузинского народа и его Поместной Церкви, из-за чего в немалой степени и возможны антиэкуменические эксцессы и соответствующая пропаганда, то наоборот, дар Православия, дар правоверия уже раскрыт и оценен в Грузии. Хотя и он в настоящее время нуждается в новом раскрытии и осмыслении.

Впрочем, первым на эту тему высказался чужестранец. *«Ивиры – христиане и лучше всех известных нам народов хранят уставы этой веры»* – писал Прокопий Кесарийский³⁷. Это очень серьезная оценка, учитывая сколько народов, племен, поныне существующих и исчезнувших, попало в поле зрения великого автора *«Истории войн»*. Она оказалась верной не только для той эпохи, когда была высказана, но и на будущие времена.

Спустя шесть столетий, в начале XII века отцы Руисско-Урбнисского Поместного собора с гордостью констатировали: *«Похвала наша, Православие, никогда не изменяли мы тебе, никогда и*

---

³⁷ Прокопий. *Война с персами*, кн. 1-я, XII, 3.

*не изменим»*³⁸.

Почти веком раньше в первой половине XI века Гиорги Святогорец, по-видимому, самый крупный духовный авторитет за всю историю Грузинской Церкви, еще более развернуто и резко подавал эту мысль. В беседе с византийским императором Константином Дукицием (Дукой) на вопрос последнего: *«Есть ли какое разделение веры вашей с совершенной той и безошибочной верой греков?»* блаженный старец, по описанию ученика и биографа, *«высоко и богоблестительно высказал веру правую нашу – грузинского рода... и сказал царю: “Это есть вера правая рода нашего и, когда однажды познали ее, уже не уклонялись налево либо направо, и не уклонимся, если Бог пожелает”*³⁹.

Несколько ниже, разъясняя царю происхождение византийского – отличного от римского, – обычая совершать литургию на квасном хлебе, он сказал: *«О, царь, так как в среду греков много ересей вошло прежде и многожды они уклонились, поэтому благоверные, подобно вам, цари собрали святые соборы и до тонкости исследовали о промыслении Христа Бога нашего и во плоти явлении Его, и о Владычней той Плоти было исследование и учинили, дабы мы брали тесто во образ Плоти Христовой, закваску же во образ души разумной и соль во образ разума, в противность ереси*

---

³⁸ «Символ», № 40, 1998, с. 306.

³⁹ «Символ», № 38, 1997, с. 300.

нечестивого Аполлинария, который Плоть Ту Христову Владычню бездушной и неразумной называл, неразумный сам и бездушный. В вино же вливаем воду во образ Крови и воды, которые истекли из бока Спасителя, как говорит Иоанн Златоуст... Римляне же, – продолжает разъяснение преподобный Георгий Святогорец, – с тех пор, как однажды познали Бога, никогда уже не уклонялись, и никогда ересь не входила в их среду, и как тогда глава апостолов Петр принес Бескровную Жертву, и более того, как Сам Господь преподал ученикам в ночь Вечери, так совершают и они. И нет в этом разделения, только вера была бы правой»⁴⁰.

Из этого рассуждения видно, в чем полагал Гиорги Святогорец различие между верой греческой и верой грузинской. Не в самих истинах веры и не в церковных обычаях. Тут нет никакого различия между правой грузинской и правой греческой верой. Более того, в этом смысле вера греческая представляется верой совершенной и непогрешимой. И в этом же смысле (об этом Гиорги здесь не говорит, но он засвидетельствовал это своей деятельностью переводчика и редактора духовных текстов) она является в значительной степени источником веры грузинской. Но есть и важный момент различия между этими двумя, во всем остальном согласными, верами. И это различие заключается как раз в том, что *«в среду греков много ересей вошло прежде и многожды*

⁴⁰ *Ibidem*, сс. 300–301.

они уклонились»», а грузины, однажды познав правую веру, уже не уклонялись от нее ни направо, ни налево.

Есть еще одно различие между этими двумя верами. И исповедание отцов Руисско-Урбнисского собора и разъяснение Гиорги Святогорца содержат некое обетование. *«Похвала наша, Православие, никогда не изменили мы тебе, никогда и не изменим»*, – пишут Руисско-Урбнисские отцы. И Гиорги Афонский еще раньше высказывает уверенность, что грузины, никогда прежде не уклонявшиеся в ересь, – уже и не уклонятся, если Богу будет угодно. Относительно же будущего греческой веры Гиорги Святогорец молчит. Обетование, высказанное им, относится только к Грузинской Церкви. Ни Гиорги Святогорец, ни соборные отцы не указывают источник этого обетования, но тем не менее утверждают его без всякой тени сомнения или неуверенности. Гиорги Афонский делает оговорку: *«Если Богу будет угодно»*. Соборные отцы не упоминают волю Божью, но и они, конечно, подразумевали это обстоятельство. Да и оговорка Гиорги Афонского нисколько не делает его утверждение условным.

В другой половине христианского мира предподобный афонский старец видит еще одну Церковь, которая никогда не уклонилась ни направо, ни налево – это Церковь Римская, и в этом – наряду с истинным исповеданием – сходятся вера грузинская и вера римская. Но и здесь есть разли-

чие. В отличие от римлян, которые твердо стоят на своем во всем, придерживаются своих обычаев в главном и второстепенном, в догмате и обряде, грузины следуют за своими собратьями во всем, в чем только возможно, что не задевает самих основ веры, ее истин.

Грузинам, как и римлянам, не было никакой необходимости принимать обычай служить литургию на квасном хлебе, ибо, как и у римлян, к ним не проникала ересь Аполлинария, но в отличие от римлян, они принимают этот, как считает Гиорги Афонский, новый обычай, не делая из этого проблемы, чем так много грешили и грешат до сих пор христиане во всем мире, возводя свои обычаи в принцип и изъявляя готовность разорвать общение «за единый аз». В истории Грузинской Церкви не известно ни одного случая разрыва внутрицерковных отношений, прекращения общения в таинствах, инициатива которых исходила бы от нее.

На чем была основана уверенность Гиорги Афонского и отцов Руисско-Урбнисского Собора?

К тому времени Грузинская Церковь уже прошла восьмивековой путь и ни разу на этом пути не оступилась в ересь. Последующая история Грузинской Церкви также подтвердила пророчество и упование древних грузинских отцов.

Церковь видела все: великий расцвет, выдающихся подвижников, святых царей, видела и разгром и разорение, мучеников в народе и на троне,

священников, убиваемых у святых престолов, так что *«кровь их, – по слову грузинского летописца, – смешивалась с Пречистой Кровью Господней»*⁴¹; видела падение церковных нравов, продажу должностей, недостойных служителей, царей, вынужденно или добровольно принимавших ислам; видела себя номинально переставшей существовать – когда ее лишили автокефалии, или отверженной обществом в советское время и почти переставшей существовать уже не номинально, а на самом деле.

Не видела Грузинская Церковь только одного – сколько-нибудь заметно затронувшей ее ереси и еретиков на кафедрах грузинских первосвященников и святителей.

Известно, что и Церкви, гораздо более молодые, не избежали в той или иной мере еретических воздействий и влияний. Церковь же Грузинская возникла именно тогда, когда Константин Великий сделал христианство государственной религией, и началась целая эпоха ересей, которые в течение нескольких веков сотрясали христианский мир. И все они обошли Грузию, не могли проникнуть в среду верующего народа, в среду его пастырей и архипастырей, его царей – которые, как во всем христианском мире в первое тысячелетие христианской веры, а в Грузии, до самого устранения от власти в XIX веке династии Багратиони, – были не только главами государства, но и самыми влиятельными членами Церкви.

Мы знаем, что отнюдь не все христианские

---

⁴¹ «Символ», № 40, 1998, с. 276.

государи, которых одинаково именовали благоверными, хранили Церковь от ересей. Но среди грузинских царей за века существования здесь христианского царства не было ни одного покровителя ересей, в том числе и из упомянутых выше принявших ислам. Как не было архипастырей – проповедников или защитников неправославных мнений.

Впрочем, был один такой – Мобидан, перс по происхождению, бывший грузинским католикосом в начале V века. Грузинская летопись сообщает, что *«он показывал православие, но сам был какой-то волхв нечестивый и искажитель правил, и не угадал царь Арчил и сын его нечестие Мобидана, но считали его верующим. И не мог он объявить проповеди веры своей из-за страха царева и народа, но тайно писал книги всякого соблазна, так что после него все сжег написанное им истинный епископ Микаэл»*⁴².

Образ несчастного еретика, тайно пишущего свои сочинения и не могущего из страха кому-либо открыться, так что о его умонастроении узнается только после его смерти из его так никем и не востребованных писаний, может быть, лучше всего и ярче всего характеризуют невосприимчивость грузинского общества к различного рода ересям, которые имели хождение в разные эпохи. Грузин можно было под воздействием страха смерти или по каким-нибудь другим соображениям принудить

⁴² *Картлис цховреба*, I, с. 142.

отречься от веры, можно было уже в близкие к нашим времена заразить их атеизмом, можно – это уже непосредственно в наше время, давно оторванных от Церкви и веры – вовлечь в разного рода секты, но Грузинская Церковь неизменно отталкивала от себя извращение ереси и раскола.

Почему? Вряд ли надо искать какое-либо иное разумное и удовлетворительное объяснение этому многовековому чуду, кроме того, на которое указывал преподобный Гиорги Святогорец, что такова была воля Божья. К этой главной и всеобъемлющей причине можно добавить еще одну, коренящуюся в глубинах национального характера, отвергающего логику и дух раскола, отчуждения, самодостаточности, который лежит в основе всякой ереси.

В уже упоминавшемся выше армяно-грузинском церковном конфликте VII века, когда наметились первые явные разногласия, армянский католикос пытался склонить на свою сторону католикоса грузинского ссылаясь на древнюю армяно-грузинскую общность – историческую, культурную и религиозно-церковную, на общего просветителя, каковым в то время почитали священномученика Григория Парфянского, на драгоценные для обоих народов святыни. Он как бы призывал противопоставить верность общим местным корням вселенской общности и верности общехристианским корням. Грузинский же католикос гораздо выше этого местного

патриотизма ставил верность Вселенской Церкви. Когда армянский предстоятель указывал на общего просветителя священномученика Григория и призывал хранить неизменной ту веру, то исповедание, которое было завещано им, католикос Кирион указывал на то, что ведь и сам святой Григорий получил свою веру в Иерусалиме, а значит, и ныне нужно поверять свою веру тем, как веруют в Иерусалиме и в других общеправославных центрах⁴³.

Но Грузинская Церковь хранила верность и в тех случаях, когда ересь получала гораздо более широкое распространение и стремилась выдать себя за голос и веру Вселенской Церкви.

Символично, что в Грузии нашел последнее упокоение великий борец за истину Христову преподобный Максим Исповедник, который одно время чуть ли не один противостоял ереси монофелитов, захватившей, казалось, весь восточный христианский мир. И наоборот, один из выдающихся деятелей монофелитского движения Кир, бывший митрополит Фазиса (современный Поти), если он и был грузин, – смог развернуться только в качестве Патриарха Александрийского.

Гиорги Святогорец во время пребывания своего в Антиохии в гостях у Антиохийского Патриарха привел еще один замечательный пример из эпохи очередного еретического поветрия. В ответ на

---

⁴³ Джавахишвили, Ив. *История грузинского народа*, т. I, Тб., 1979, сс. 421–423.

уничжительные отзывы о Грузинской Церкви некоторых лиц из патриаршего окружения, Гиорги Афонский сказал Патриарху Антиохийскому: *«Святый Владыко, вы... нас незнающими и легкими видите, а сами себя мудрыми и тяжкими сделали, < а ведь > было время, что во всей Греции не сыскать было Православия, и Иоанн, готский епископ⁴⁴, в Мцхета был рукоположен во епископа, как написано в Великом Синаксаре»⁴⁵.*

Из жития св. Иоанна, епископа Готского, действительно явствует, что будучи избран народом на епископское служение, он отправился в Византию, с целью получить там хиротонию, но не нашел ни одной кафедры, которую возглавлял бы православный архиерей, ибо это было время царствования Константина Копронима и вся церковная власть находилась в руках еретиков-иконоборцев. В конце концов, св. Иоанн добрался до Грузии, и был рукоположен здесь, в городе Мцхета. Эта особенность церковной истории Грузии неизвестна христианскому миру.

Напротив, по закону, тяготеющему над Грузией на протяжении всей ее истории, и эту благодать Божью, эту, по слову апостола Павла, полученную от Господа *«милость быть верной»*, то и дело пытаются отнять, хотя бы на словах.

В книге известного историка А. В. Карташева

---

⁴⁴ VIII век; память 18 мая / 1 июня.

⁴⁵ «Символ», № 38, с. 286.

«Вселенские соборы» можно, например, прочитать такую фразу: «Весь Восточный пояс Византийского царства: иверийцы, армяне, сирорамаи, сиро-персы, сиро-арабы и южней – копты, эфиопы – все время, присоединяясь к ересям, откалывались от греческой католической церкви и, воспользовавшись в VII в. внешним нашествием арабов-исламитов – отчасти изменнически, отчасти наивно, – охотно отпали от вселенской церкви, не понявшей и не удовлетворившей их племенного самостийнического инстинкта»⁴⁶.

Так отблагодарил «иверийцев» православный ученый-историк за десятки веков стояния в православной вере. Они не только объявлены еретиками, не только поставлены впереди всех в списке восточных еретических и раскольничьих национальных Церквей. Они еще, оказывается, все время присоединялись к ересям, а с VII века вообще, «изменнически» отпав, пребывают в ереси и расколе с Вселенской Церковью.

А ведь именно при Карташеве, в бытность его министром исповеданий во Временном Правительстве, Грузинская Церковь вышла из состава Русской Православной Церкви, восстановив свою автокефалию. Интересно, как могла это сделать Церковь еретическая и с VII века находившаяся в расколе с Вселенской Церковью?

---

⁴⁶ Карташев А. В. *Вселенские соборы*. М., 1994, с. 362.

Далее, правда, выясняется⁴⁷, что грузины «откалывались» один раз в период после Халкидонского собора, защищая, как им представлялось, правую веру, будучи к этому «соблазнены самими православными императорами», и не от Вселенской Церкви, а, как справедливо формулирует сам Карташев, «от греческого православия», которое, в отличие от Вселенской Церкви, вспомним слова преподобного Гиорги Афонского, не пользовалось в Грузии полным доверием. Об отношениях между Грузинской и другими Церквями в эту эпоху мы имеем слишком мало сведений, чтобы выносить категорические суждения. Возможно, Гиорги Афонский, живший через пятьсот лет после этих событий и в условиях, сравнительно мало изменившихся с тех пор, мог правильнее судить о том, как все было на самом деле, и утверждать, что грузины, однажды познав правую веру, уже не уклонялись налево либо направо. Одно несомненно, если семидесятилетний «откол» и имел место, то продолжался он ровно столько времени, сколько понадобилось для выяснения истины, потому что история Церкви свидетельствует: там, где действует не жажда истины, а другие мотивы, вроде «племенного самостийнического инстинкта», расколы не изживаются и через сотни и тысячи лет.

Но что говорить об иностранном ученом, да еще, быть может, с застарелой обидой на грузин-самостийников, некогда не уваживших

⁴⁷ *Ibidem*, сс. 387, 389.

его министерских запретов, когда среди самих грузинских ученых, в том числе, кстати, и выдающихся, можно найти примеры недостаточно уважительного, можно сказать, легкомысленного отношения к одному из великих даров Божьих грузинскому народу, который можно поставить рядом с самым избранием в качестве народа христианского. В грузинской научной литературе, особенно советского периода, можно отметить увлеченные поиски свидетельств, домыслы и догадки о ересь и уклонения в истории Поместной Церкви.

В противоположность таким обвинениям, некоторые недоброжелатели, знавшие о факте неизменной в веках сохранности Грузинской Церкви в православии и единстве с Вселенской Церковью, старались самый этот факт обратить против грузин, истолковать его так, чтобы из добродетели сделать порок, из благословения Божьего – поношение.

В одном из докладов Предсоборному присутствию в начале XX века, русский священник из Грузии писал, что грузины, *«как всем известно»*, всегда отличались от всех иных христианских народов безразличием к вопросам веры, подтверждением чему является то, что у них никогда не было ересей, расколов и т. п.

Этого священника можно понять: Грузия действительно может представиться спокойным и мирным оазисом среди бурного и беспорядочного творчества, которым отмечена религиозная жизнь

многих христианских народов, в том числе, и имевших особые милости Божьи. Согрешали греки, наделенные исключительным даром богословия, согрешали армяне, замечательные своей книжностью, египтяне, подарившие Церкви Христовой монашество и величайших подвижников, Церковь Антиохийская, основанная апостолом, которого Господь назвал Камнем и обещал построить на этом камне Церковь Свою, которую не одолеют силы ада.

Как же устояла Грузинская Церковь? Напрасно мысль будет искать какую-то земную опору, в виде ли каких-то специфических дарований, или особых национальных черт характера, или уникальных исторических, географических или иных условий. Нет, дар православия – это чистейший дар Божий, зависящий и обусловленный только Его Божественной волей. И в тот миг, когда Господу угодно было бы отнять его, перестало бы существовать и это одно из лучших и главных украшений Грузинской Церкви. Но древние грузинские отцы верили, что эта милость Божья пребудет с Грузинской Церковью до самого Второго Пришествия Господня.

IV.

И все-таки, каково было участие самих грузин в этом даре? Ведь никакой дар не может навязываться Богом человеку, так же как никакая беда не может быть отвращена десницей Божьей, если сам

человек стремится к ней. Никто не может устоять в истине случайно.

История христианства в Грузии свидетельствует, что, если и можно найти какую-то определенную причину отсутствия в лоне ее Церкви ересей, это, по крайней мере, не безразличие представителей этой нации к вопросам веры. Об этом в первую очередь говорит то, что история Грузинской Церкви – это история Церкви мученической. Народ, безразличный к вере, не мог бы пронести ее через века при почти непрерывных жестоких гонениях со стороны персов-огнепоклонников, мусульман – арабов, турок, персов, затем советских безбожников. Вся христианская история Грузии украшена мучениками веры – от первомученика Раждена-перса, казненного огнепоклонниками-персами в V в.⁴⁸, и девяти отроков из села Кола, убитых собственными родителями-язычниками в VI в.⁴⁹, до митрополита Назарэ, расстрелянного большевиками в 1924 году⁵⁰, и исповедника Католикоса-Патриарха Амброси († 1927). Особенно показательными в этом смысле представляются примеры массового мученичества – 100 тысяч

---

⁴⁸ Память 3/16 августа.

⁴⁹ Свв. мчч. отроки Гурам, Адарнасэ, Бакар, Ваче, Бардзим, Дачи, Джуаншер, Рамаз и Парсман (память 22 февраля/7марта).

⁵⁰ Память новомучеников Назарэ, Митрополита Кутаисского и Гаэнатского, иереев Иерофея Николадзе, Симона Мчедлидзе, диакона Виссариона Кухианидзе († 1924) и всех, безбожниками убиенных 14/27 августа.

жителей Тбилиси во время нашествия Джалалэдина в 1227 году⁵¹ или тысяч клириков, монашествующих и мирян в период насильственной исламизации Аджарии в XVII–XVIII вв.⁵², или насильственного же переселения жителей Восточной Грузии в Иран⁵³.

Но уже древние «акты» грузинских мучеников являют не только «стояние» в вере, но и

---

⁵¹ Память 31 октября/13 ноября.

⁵² Память 29 апреля/12 мая. Из постановления Синода Грузинской Церкви 18 августа 2003 г.: «...В XVII–XVIII вв. тысячи лазов (аджарцев – И. З.) были казнены магометанами за верность христианскому исповеданию и отчизне. Примерно в 1600–1620-х гг. 300-м лазским воинам отрубили головы, после чего место их казни и захороненияч получило название горы Дидуковата (усекновения глав), а там же на горе расположенное у мужского монастыря место мученической кончины духовных лиц – гора Папата (священства). По преданию, в здешних окрестностях всего отсекли головы 30 тыс. лазов».

⁵³ Память их в праздник Вознесения Господня. Из постановления Синода Грузинской Церкви 18 августа 2003 г.: «Большая часть из сотен тысяч насильственно переселенных в 1616 г. шахом Аббасом в Иран грузин более столетия мужественно отстаивала веру отцов и даже в условиях крайне агрессивного мусульманского окружения не оставляла христианского богослужения. За верность православию множество лиц духовного звания было убито нечестивыми и тысячи грузин мученически скончались, что подтверждают как наши ученые, иностранные историки и путешественники, так и ныне проживающие в Иране грузины, которые донныне особо чтут мученический подвиг предков: посещают места их мученичеств (одно из них называется Вознесение), почтительно лобызают камни с запекшейся кровью предков и готовят поминальную трапезу».

сознательное исповедание ее и опровержение неправых верований, противопоставленных ей. Мученик Эвстати Мцхетский (VI в.), живший во времена засилья персов-огнепоклонников в Грузии и сам перс, на допросе у персидского наместника подробно аргументирует, почему огонь не может быть богом⁵⁴. Священномученик Абибос, епископ города Некреси (Восточная Грузия)⁵⁵, современник Эвстати, сам провоцирует свою казнь, ибо *«возгорелся ревностью Божественной и не позволил чуждому тому служению <огня> быть вблизи от него и возлил немного воды плохой и угасил его»*⁵⁶. Перед казнью он и словом обличает «безумие» огнепоклонников. Пространный спор о вере, теперь уже с мусульманами, присутствует и в мученичестве свв. Давида и Константинэ, казненных арабским полководцем Мурваном⁵⁷. В аргументации святых мучеников, принадлежит ли она им или автору их жития, наряду с обличительной стороной наличествует

---

⁵⁴ «Символ», № 44, 2001, с. 336.

⁵⁵ Священномученик Авив (Абибос), еп. Некресский (VI в.), один из 13-ти сирийских отцов, основателей грузинского монашества и первых грузинских монастырей, существующих до настоящего времени. Память его 29 ноября/12 декабря (по мнению М. Сабинина, память неправомерно была перенесена на этот день с 12 ноября, как было в древности).

⁵⁶ М. Сабинин. *Грузинский рай*, с. 214.

⁵⁷ Память свв. мчч. князей Аргветских Давида и Константинэ 2/15 октября.

и некий «экуменический» момент, признание относительной духовной ценности ислама. Ибо, хоть и отмечается бессилие этой религии в деле спасения, но в то же время признается, что Магомет отвратил своих последователей от языческого поклонения огню⁵⁸. Мученичество Абибоса Некресского дошло до нас в описании св. Католикоса Арсени I Великого, жившего в IX веке⁵⁹. К этому времени противостояние с огнепоклонниками уже отошло в прошлое, оставив память о веренице святых мучеников. Но во времена святителя Арсени все такими же актуальными оставались споры с ближайшими неправославными христианами – армянами. Близость и тесное общение придавало им постоянную актуальность. Показательно, что в книгу М. Сабинина *«Грузинский рай»*, посвященную грузинским святым, включено несколько сочинений богословского характера и все они посвящены «армянской» тематике⁶⁰. Веком позднее Арсени Великого, другой архипастырь Грузинской Церкви, уже упоминавшийся выше епископ Тбетский Стефанэ, повествуя о мученичестве св. Михаила-Гоброна и 133 его воинов, немало места уделил грехопадению *«великого дома Армянского... , ибо апостолами проповеданную православную веру святой кафолической Церкви отвергли и*

---

⁵⁸ М. Сабинин, с. 326.

⁵⁹ Память 25 сентября/8 октября.

⁶⁰ М. Сабинин, сс. 615–621, 629.

*богодухновенными соборами святых учителей учиненные правила церковные презрели»*⁶¹. Критическому разбору учения Армянской Церкви было посвящено немало произведений, оригинальных или переведенных на грузинский язык с греческого.

Позже, когда обширные области Армянского царства были отняты у мусульманских правителей и вошли в состав царства Грузинского, попытки наставить армянских братьев на путь истинный отнюдь не ограничивались соборными прениями и книжной полемикой. По крайней мере, писатель и общественный деятель Мхитар Гош (XII–XIII вв.) в своем трактате «*О грузинах*» жаловался не только на сильную антимонофизитскую пропаганду, но и на прямые притеснения со стороны не в меру ретивых поборников правой веры, вплоть до разрушения армянских храмов⁶². Грузинская летопись сохранила нам и вовсе экзотический способ утверждения религиозной истины. Современник царицы Тамар Католикос Иоанэ, по свидетельству летописца, «*человек, овеванный духом, сподвижник ангелов*»⁶³, но отнюдь не ангельски кроткий, судя по его действиям, занимал непримиримую позицию по отношению к монофизитам, и даже знаменитого полководца и сподвижника Тамар За-

---

⁶¹ *Ibidem*, с. 394.

⁶² Трактат Мхитара Гоша «*О грузинах*» и его литературные источники. В кн.: И. Абуладзе. *Грузино-армянские литературные исследования*. Тб., 1947, сс. 5–16.

⁶³ Иоанн V (1208–1210).

харию Мхаргрдзели прилюдно дерзал именовать «семижды проклятым армянином». Когда на очередном соборе армянских и грузинских богословов, проходившем в присутствии царской четы и вельмож, бесплодные прения продолжились до сумерек, Католикос Иоанэ, «свыше ли Духом Святым исполненный, или доверившись правой вере, не ведаю», предложил своим оппонентам следующее испытание вер: «Дам вам пса одного и подожду три дня, чтобы ночи провести в молениях и мольбах к Богу. И держите пса три дня без еды. А другого пса дайте мне, три дня без еды буду держать, и ночи проведу в молениях и мольбах к Богу. И явится истинная вера. В третий день принесу бескровную Жертву и возьму частицу рукою своей, и хоть и непозволительно, положу перед псом, который у вас, и так же вы возьмите частицу и положите псу тому, который у меня. Чью съест, тому веры нет; вашу съест, вы постыдитесь; если нашу съест, мы постыдимся». Все, в том числе, и царица, были поражены предложением католикоса. Однако он настоял на своем. «Дело это не полагаясь на самого себя я сделал, – сказал Католикос Иоанн. – Но делаю, уповая на Христа Бога. Положившись на православие, явим истину. Царица, поддержите меня ты и все грузины, большие и малые». В результате, по рассказу летописца, православные победили, после чего, Иванэ, брат Захарии Мхаргрдзели, и множество

армян перешли в православие⁶⁴. *Datur haec venia antiquitati*⁶⁵.

Напряженные армяно-грузинские межцерковные отношения чуть ли не единственный пример религиозной нетерпимости, направленной вовне. Впрочем, как уже было отмечено, армяне были не совсем чужие, слишком близкие во многих отношениях. Но зато много примеров такой же непримирности в отношении именно своих. Один из них, связанный с именем Сулхана-Саба Орбелиани уже был приведен выше. По возвращении из Западной Европы, Орбелиани, не без оснований обвиненного в симпатиях к католикам, пытались подвергнуть соборному осуждению.

То же самое пришлось испытать столетием позже Католикосу-Патриарху Антони I. За свои большие дарования, начинания и труды он получил наименование Великого. Даты его патриаршества – с 1744 по 1755 и с 1764 по 1788 гг. – отражают перипетии его первосвященнического служения, связанные именно с той борьбой, которая в Грузии велась с проявлениями религиозного инакомыслия. Антони Великий, также как Сулхан-Саба Орбелиани, был обвинен в симпатиях к католикам и был вынужден оставить свою кафедру. Он удалился в изгнание в Россию и там в период с 1755 по 1764 гг. возглавлял Ярославскую

⁶⁴ *Картлис цховреба*, II, сс. 81–90.

⁶⁵ *Да простится то древности* (Тит Ливий. *Ab Urbe condita, praefatio*).

епархию Русской Церкви. Затем, после воцарения симпатизировавшего ему царя Иракли II, вернулся в Грузию к своему служению. Стоит внимания, что Священный Синод Русской Церкви проявил меньше принципиальности и подозрительности и доверил признанному неблагонадежным у себя на родине, среди своих собратьев, гонимому католику епархию в центре Российской империи.

Антони, один из самых талантливых и просвещенных людей своей эпохи, тем не менее, и сам не избежал роли гонителя и инквизитора. С конца XII века, когда был создан роман в стихах Шота Руставели «*Витязь в барсовой шкуре*», и по настоящее время не было в Грузии более почитаемого имени и более любимой книги. Ее давали в приданое, писали к ней продолжения и дополнения, заучивали ее полторы тысячи строк наизусть, она стала учебником мудрости, любви к ближнему, любви к чужому, бескорыстной дружбы, самопожертвования, мужества, источником самых идеальных представлений, ее называют гениальной, бессмертной, а ее автор пребывает в первом ряду, если не на первом месте, среди самых чтимых представителей своего народа. И именно эта книга и ее автор на протяжении веков были в Грузии объектом жестокой критики. Причем критика эта была не только внешней. Завораживающее поэтическое мастерство Руставели дало импульс «конгениальной» находке – заключать критические высказывания в руставелевские размеры и

строфы и помещать их в рукописи «*Витязя*», так чтобы книга обличала сама себя. Из этих вплетенных, подсадных комментариев можно узнать, что больше всего Руставели были недовольны ревнители правой веры. «*Эта книга не поминает Бога Троицей*», «*это книга персидская*», т. е. подозрительная в смысле еретичности, – вот некоторые из критических отзывов правоверных читателей «*Витязя*». К слову, обвинение в непоминовении Троицы весьма поверхностное, ибо отпечаток троичности Творца и Промыслителя вселенной лежит на всем романе, и Святая Троица, прямо не названная и не призываемая, осеняет Своим светом, благодатью и любовью мир, в котором живут и действуют герои Руставели. Но, конечно, критика не всегда маскировалась таким своеобразным способом. Если правильна догадка знаменитого картвелолога, первого издателя и переводчика на французский «*Картлис цховреба*» Мари Броссэ, что упоминаемый анонимным Летописцем Шота Купри (Деготь) – *ce doit être notre poète (это, должно быть, наш поэт)*, т. е. автор «*Витязя*», то можно почувствовать, какую неприязнь вызывал Шота Руставели, то обвиняемый в «*manisi pheroba*» – манихейской ереси (слав. «манентовой лести»), то в неимении никаких мужеских даров и нравов. Некий священник-стихоплет, повидимому не зная, как нейтрализовать вредное воздействие поэта, грозил ему – «*я налипну на тебя, как грязь*».

Католикос Антони Великий стал одним из

самых заметных звеньев в этой цепи, протянувшейся через века. По-видимому, будучи не в силах, в отличие от Летописца, отрицать или обойти молчанием исключительные дарования Руставели, он, тем не менее, вынес уничтожающий приговор книге, заключив, что, несмотря на все свои таланты, Руставели *«вотще потрудился»*. Есть сведения, правда, оспариваемые, что Антони не ограничился словесным уничтожением великой книги и по его указанию был уничтожены почти все экземпляры первого печатного издания *«Витязя»*.

Шота Руставели, Сулхан-Саба Орбелиани, Католикос-Патриарх Антони – все это люди великих дарований, принадлежавшие к высшей знати, любимцы царей. И все-таки, когда возникало, справедливое или нет, подозрение в ереси или отступлении от православной стези, все их достоинства и влияние не могли уберечь их от преследования и изгнания⁶⁶.

Эта борьба – отнюдь не только достояние истории. Ревнителю православия добились того, что в 1997 году Православная Церковь Грузии вышла из Всемирного Совета Церквей.

V.

На протяжении всей 20-вековой истории христианства на Грузинской земле прослеживаются эти

⁶⁶ Руставели, по одной из версий, закончил свою жизнь в Иерусалиме, Орбелиани, после возвращения из Европы – в Москве, Католикос-Патриарх Антони, как было отмечено выше, много лет жил изгнанником в России.

два явления – строгая ортодоксальность и доброжелательное отношение к людям иной веры. Лучшие представители христианской духовности в Грузии умели гармонично сочетать широту взгляда с верностью Христовой истине.

Среди тех, кому эта гармония не давалась, кого неумеренная ревность о православной истине приводила к узости и нетерпимости, были люди весьма почтенные и даже святые. Но среди них, можно сказать, почти или совсем нет первостепенных фигур Грузинской Церкви, государства или культуры.

Впрочем, и на солнце есть пятна. Преподобный Гиорги Святогорец, защитивший римское православие перед византийским императором, в той же беседе отказался даже слушать об армянской вере, как о «*злой ереси*». Летописец, проявивший столько благожелательного интереса к монголам-язычникам, возможно, уничтожал величайшего грузинского поэта и мыслителя.

Три Церкви, с которыми грузины имели тесное общение и влияние которых испытывали на себе в разное время – Армянская, Греческая и Русская, были носителями духа национально-церковной самодостаточности, те самые западные христиане, православие которых защищал Гиорги Афонский, ездил как к своим единоверцам Сулхан-Саба Орбелиани и материально поддерживал в Грузии Гиви Амилахвари, нередко характеризовали самих

грузин, как еретиков, «*таких же, как греки*»⁶⁷, и захватывали их монастыри и церкви на Святой Земле. А иноверцы чаще всего представляли перед грузинами в роли жестоких гонителей, а то и смертельных врагов. И в таких условиях чудесным образом Господь хранил национально-религиозную самобытность и даже известную уникальность местного христианства, частью которой и был этот дух вселенскости и братского отношения к народам и верам. Хранил и тогда, когда Грузинская Церковь номинально перестала существовать, став в XIX веке частью Русской Церкви. И в это время возвышенные умы, те, кого мы можем считать наиболее верными выразителями исконного национального духа, высоко держали знамя правоверия и веротерпимости.

Святой Илия Чавчавадзе († 1907) в статье о Давиде Строителе, великом государственном деятеле, создателе единого государства, обновителе Церкви, непобедимом воине, освободителе страны от чужеземных расхитителей, покрывавших ее, «*как саранча*», – тем не менее, особо похваляет его уважительное, более того, духовно-приятное отношение к мусульманам и армянам-монофизитам. В связи с присоединением в результате русско-турецкой войны некогда отторгнутых от Грузии южных областей с отуреченным грузинским на-

---

⁶⁷ Peradze G. *An account of the Georgian monks and monasteries in Palestine as revealed in the writings of non-Georgian pilgrims.*// Georganica. 1937. 2:4–5. 181–246, 2 ill.

селением, он горячо призывает принять грузин-мусульман как единокровных братьев, не притесняя их и не вынуждая к насильственному возвращению к вере предков.

С началом XX века и восстановлением автокефалии для Грузинской Церкви открылся новый этап ее исторического бытия. За свою долгую историю Грузинская Церковь «разводилась» дважды. В начале VII века с Церковью Армянской и в начале XX века с Русской. Господу угодно было сблизить эти два, разделенные тринадцатью столетиями, события некоторыми приметными обстоятельствами. Оба грузинских предстоятеля в эти судьбоносные моменты носили имя Кирион, которое среди почти полутора сотен грузинских католикосов встречается всего трижды. В обоих случаях грузинская иерархия не желала разрыва и отчуждения. Но реакции тех, от кого грузины отъединялись, были одинаково бескомпромиссны.

Кирион I в последнем письме к армянскому католикосу Аврааму писал: *«Если вы хотите исследовать и узнать нашу веру, я дал перевести и прислал вам книги четырех Соборов, которыми руководствуются римляне и которые проповедуются на Святом Сионе. Угодно вам или нет, но это есть наша вера»*.

Армянский католикос, видя, что все попытки перетянуть грузинскую иерархию оказались тщетны, издал окружное послание, в котором сказано: *«То, что было решено прежними пастырями отно-*

сительно греков, повелеваем распространить и на грузин, – чтобы с ними не иметь никаких отношений – ни в молитве, ни в еде, ни в дружбе, ни в воспитании детей, чтобы не ходили молиться к Мухетскому и Манглисскому крестам и в наши церкви их не допускали, и венчание с ними совершенно оставить. Разрешена с ними только купля-продажа, как с евреями. То же самое распространяется и на алванцев».

Сходно с армянским католикосом поступил Святейший Синод, который в ответ на восстановление автокефалии Грузинской Церкви объявил ее иерархию безблагодатной и призвал православных русских в Закавказье не приглашать грузинских священников ни на какие богослужения, не брать у них благословения, не входить в «грузинские церкви». Только, у армянского католикоса было то оправдание, что грузины, принявшие халкидонский догмат, сделались тем самым в его глазах еретиками. У Святейшего Синода не было и этого оправдания.

Деяния двух Кирионов сходны не только некоторыми обстоятельствами и именами главных действующих лиц, но и своими духовными основаниями. Разделение с Армянской Церковью в начале VII века имеет ясно выраженную направленность – стремление сохранить свое православное лицо и принадлежность к христианской экумене, а учитывая, что основная часть исторического пути Грузинской Церкви была впереди и одобрительному отзыву Прокопия еще предстояло

придать непреходящий характер, то можно говорить о провиденциальности решения Кириона I.

Деяние, связанное с именем другого Патриарха, Кириона II, – восстановление грузинской автокефалии в начале XX века, также имело духовную направленность. Здесь не было стремления к национально-церковной независимости только ради нее самой, как это обычно стараются представить авторы, выдающие это событие за банальный раскол, или даже ради восстановления элементарной исторической справедливости.

Хорошо чувствуя своеобразие и богатство грузинского православия, явленные в веках, борцы за грузинскую автокефалию имели возможность на столетнем опыте убедиться, что в тех условиях, в которых существовала Грузинская Церковь в качестве экзархата Русской Церкви, она рискует утратить свое лицо⁶⁸. А учитывая, что история христианства еще не завершена, мы можем говорить и о провиденциальности стремления Католикоса-Патриарха Кириона II и его сподвижников возродить самостоятельность Грузинской Церкви с ее исконными и столь актуальными в наше время дарами.

В условиях террора и подавления, царивших на протяжении почти всего XX века, Церковь

---

⁶⁸ Будущие Патриархи-Католикосы Кирион и Леонид, как и другие инициаторы восстановления автокефалии, были знатоками истории своей Церкви, авторами научных, публицистических и иных произведений, посвященных грузинской духовности.

не все эти надежды смогла реализовать. Лишь сравнительно недавно наступило время, когда становится возможным привести в действие тот духовный заряд, который был заложен деянием Поместного собора 1917 года, восстановившего автокефалию.

Сторонниками широких связей внутри и вне Православия были первые Патриархи возрожденной Грузинской Церкви – убиенный в 1918 году св. Кирион, Леонид, св. Амброси, св. Калистратэ. Двое последних были участниками Поместного собора, благословившего на отъезд в Западную Европу молодого ученого Григола Перадзе, будущего архимандрита и священномученика, который не только развивал патрологию и знакомил мир с грузинским христианством, но и участвовал в международных экуменических конференциях, а в 1942 году отдал в концлагере Аушвиц жизнь, спасая от смерти поляков и евреев. Несмотря на известную сдержанность по отношению к экуменическому движению своего времени, святой Григол не обинуясь свидетельствует, например, о богатой духовной жизни своего друга и учителя, протестантского ученого, доктора Иоганнеса Лепсиуса, которая вся прошла, как он пишет, под знаком *Евангелия от Иоанна*⁶⁹.

---

⁶⁹ По материалам документального фильма «*В поисках белого ангела*» (1996) режиссеров Тамары Дуларидзе и Ежи Любаха. Архимандрит Григол Перадзе канонизирован в 1995 году как священномученик.

Возрождение Грузии и ее Поместной Церкви было подавлено семидесятилетним советским игом. Грузинская Церковь была почти уничтожена, она не имела в течение десятилетий даже низшего духовного учебного заведения. Все это, конечно, препятствовало восстановлению независимости, «грузинскости» мышления членов Церкви. В период возрождения религиозности, начавшегося в 70-е годы, для многих вершинами и границами православной мысли представляли сочинения о. Серафима Роуза и тогда еще не канонизированного свят. Игнатия Брянчанинова. Опять, по поговорке *«отца забыли, об отчине слезы лили»*, были во многом преданы забвению заветы духовных светочей грузинского народа Иованэ Сабанисдзе, Эптимэ и Гиорги Святогорцев, Шота Руставели, великомученицы Кетеван, Сулхана-Саба Орбелиани, Илии Чавчавадзе, да и вся многовековая традиция грузинской христианской духовности, являющаяся, как мы старались показать, множество примеров терпимости при сохранении строгой православности. Есть примеры фальсификации, может быть, и неумышленной, этих заветов, когда, например, свидетельству Гиорги Святогорца о православии римлян (*«и нет здесь никакого разделения, лишь бы вера была правой»*) придается противоположный, обличительный смысл. Но и этот период был отмечен некоторыми знаменательными моментами.

Все это время (с 1977) во главе Грузинской

церкви находился и поныне здравствующий Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Илия II, который отнюдь не являясь идейным экumenистом, тем не менее неоднократно становился выразителем духа, издревле присущего его Церкви. В 80-х гг. грузинский Патриарх был одним из президентов Всемирного Совета Церквей. Он принимал участие в акте перезахоронения из Италии в Грузию великого сына грузинского народа, ученого и католического монаха, составителя и издателя *«Истории католицизма среди грузин»*, сборника исторических документов, названного второй *«Картлис цховреба»*, Мхеиლა Тамарашвили (Микеле Тамарати). В начале своего патриаршего служения он нанес визит в Ватикан недавно избранному Папе Иоанну-Павлу II, а в 1999 году радушно принимал понтифика в Грузии. Прием, оказанный Иоанну-Павлу II грузинским Патриархом и его паствой, дал Илию II повод заметить своему гостю: *«Ваше Святейшество, Вы побывали в очень многих странах. Но я уверен, что нигде Вас не встречали с такой сердечностью, как в Грузии»*. В данном случае важна не точность оценки, а уверенность грузинского Патриарха в том, что Грузия – это именно та страна, где римского первосвященника могут принять с большей теплотой, чем где бы то ни было в мире⁷⁰.

---

⁷⁰ Грузия уникальная православная страна, где побывали два римских первоиерарха, к тому же в патриаршество одного и того же Католикоса-Патриарха Илию II. В 2016 году в Грузию

История грузинской духовности служит залогом того, что в церковном народе постепенно возобладает тот дух братства, примирения, терпимости, любви к единоверным и иноверным народам, который никогда полностью не угасал в местном православии.

«И будет некогда, и настанет то замечательное время, когда во главе христианства встанет один пастырь, и возвышенная молитва нашего Спасителя станет явью. Об этом молится столь горячо восточное христианство постоянно в своих литургиях ... и трудится для достижения этого единства. Будет некогда, и объединятся веры. Наступит славный день перед вторым пришествием нашего Господа, и объединятся не только Римская и Греческая церкви, но присоединится к ним и Евангелическая, которая также представляет собою храм нашего Господа, и о которой не можем сказать „и она существует“, ибо действительно существует и осуществляет свои цели и задачи. Как объединятся они – ... это является не сферой „научного исследования“, но обязанностью каждого живого христианина. К какой бы пастве нашего Господа ни принадлежал тот, кто серьезно смотрит на царство Христа, тот увидит, что сущность христианства отнюдь не во вражде, зависти, подозрительности и разбое, она заключается в братской любви Господней

паствы, и в один прекрасный день на древе нашего Спасителя эти три ветви переплетутся друг с другом».

Так смотрел на христианское единство в 1927 году будущий священномученик архимандрит Григол Перадзе. Этот пассаж можно было бы считать всего лишь неким общим местом, в духе эсхатологических видений Владимира Соловьева, если в нем не просматривалась бы вся долгая история грузинской христианской духовности с ее давними традициями экуменизма, памятью об уникальной армяно-грузинской общности, с ее опытом пребывания в лоне неразделенной Церкви, попытками восстановления вселенских связей – с Римским престолом, с испанскими, французскими, российскими государями, пафосом побратимства, который наиболее ярко и запоминаемо запечатлелся в трех витязях Руставели, представляющих разные народы и веры и совместными усилиями устанавливающих на некоторое время гармонию в окружающем их мире.

Опубликовано в ж. «Символ», № 48, 2005, сс. 295–341.

